

ИСПОЛНЕНИЕ ДОЛГА

«Если воевать, так по-военному», — заметил однажды Ленин. Очевидно, и писать о войне нужно по-военному.

Скажем так: в нашей стране война не пужала никому, а это значит, что и вялый пацифизм у нас нелеп и смешон, как плод сознания испуганного и незрелого. Такой пацифизм — это палочка, которой добиваются слепой, мечтая добраться до дома во время землетрясения. Утверждение же «вечных категорий» на войне вневременно, валит в одну кучу войны религиозные, династические, гражданские, справедливые и несправедливые. Солдат-наемник, забитый рекрут или боец-гражданин — можно ли уравнивать чувства этих людей разных эпох и общественных формаций?! Художественное познание человека на войне — одна из сложнейших задач литературы.

Три романа Константина Симонова — «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются» и «Последнее лето», опубликованные журналом «Знамя», вскоре соединятся в одном издании. Читатель подумает законченную работу писателя, отдавшего ей пятнадцать лет труда. Первыми днями войны начинается это произведение, а когда автор ставит точку, героя его угадывают впереди границы Восточной Пруссии.

В нашей критике, посвященной книгам о войне, было немало споров по поводу «правды высшей» и «правды окопной». Подчас даже получалось так, что, хотя «высшая» — объективнее, вернее, а все же «окопная» — задушевнее, человечнее. Но это споры схоластические. Нет на войне двух правд. И из окопной цели наши люди видели небо Родины и ее идеалы. Кто думает иначе, пусть клянет свою судьбу, лишившую его внутреннего зренья. Потому что наша победа была не чудом вроде библейских, а победой нового общественного строя. Если даровитый писатель понимает и принимает основополагающую ленинскую концепцию справедливой войны, объемлет ее масштабы, видит в человеке на войне не изолированного, а общественного индивидуума, то и правда его произведения будет единой и полной. В противном случае будут талантливые или бездарные, но разрозненные, подчас и искаженные картины войны, без целостно-правдивого выражения ее существа.

В своей эпопее Симонов стремится создать широкое представление о минувшей войне. Повествование его хронологично, и поэтому особенно отчетливо мы можем проследить, как кристаллизуется устойчивость, долговременность всего, что легло в основу и образовало преимущественно советской военной доктрины. В чередовании кровопролитных боев, отступлений, встреч и расставаний персонажи эпопеи еще не могут разобраться в событиях, иной раз и в самих себе. Они страдают, радуются, а между тем делают свое дело. И преобладающее их чувство — вера в победу.

Ведущая тема трилогии — исполнение долга. Она стягивает в один узел социальные, философские, исторические проблемы. Какой художник не стремится проникнуть в тайное тайных духовного и связать свое ощущение человека в его самых сокровенных движениях мысли и сердца с характером его поступков? У Симонова над всеми чувствами героя превалирует сознание долга. Автор знает: на войне неужели служить вполсилы. Хороший солдат — какого бы ни был ранга — воюет без остатка, выкладывается до конца. Так рассуждает большинство героев эпопеи. Суровой простоте размышлений отвечает стилистика речи автора и персонажей романа. Симонов подчеркнут ровен, даже скуповат, а иногда и скуповат чрезмерно.

Удачи автора на главном направлении его романа возникают там, где прекрасная идея служения долгу завладевает всем существом героя, где сознание и чувство сли-

О военной трилогии К. Симонова

но формируют поступки людей. Такое слияние ума и сердца, когда идея разжигает в душе человека истинную страсть, достигнуто в образе Серпилина, и мы не устаем восхищаться этим характером.

Особенность дарования Симонова состоит, между прочим, в том, что герои, имеющие точные признаки реальных прототипов, удаются ему, пожалуй, лучше, чем собираемые вымыслом. Школа художественного очерка, пристрастие к дневниковым формам служат ему хорошей службой. И Серпилин в этом смысле не одинок в романе. Нас пронзает прекрасно написанная сцена трагической гибели генерала-летчика Козырева, и те, кто воевал тогда, в сорок первом, могут понять: «В душе Козырева не было предсмертного ужаса, была лишь тоска, что он никогда не узнает, как все будет дальше». Тонко и уверенно написан сложный Львов, надолго останется в памяти точный портрет Батюка. Мелькнул на несколько мгновений лсыый офицер — танкист под Борисовом, а хорошо запомнился. Во всех этих случаях, да и в некоторых других тоже, мы знаем имена существовавших в жизни прототипов — одних назвал сам автор, о других мы догадываемся сами.

Симонов хорошо знает многих военных. Иных он перенес в роман со всей их жизненной почвой, как пересаживают деревья с корнями, не вырванными из материнского кома земли. Такие люди «принялись» в трилогии, органически вросли в нее. Любимый характер писателя — человек внешней строгости и внутренней доброты. Противоречие между скупой манерой поведения и душевной щедростью автор использует охотно. Момент узнавания сути человека, неожиданность, с какой внешне грубый или «застегнутый» на все пуговицы уставос человек вдруг открывается своей до времени скрытой теплотой, составляет повторяющийся (может быть, слишком часто) признак людей, симпатичных Симонову. «Чем больше души вкладывал он в какие-нибудь слова, тем угрюмее и неприветливее он говорил их». Это о Малинине — политруке роты, отличном коммунисте. А вот о майоре Туманове — стойком боевом офицере: «И командир полка рад, только не имеет привычки показывать».

Многие герои романа наделены этой чертой характера. Спросит ли такая однотипность? Скорее всего, автор хотел сказать, что армия и война не располагают к шумной трате чувств, требуют раньше всего дела и дела. Он прав, конечно, по существу, хотя художественное воплощение этой мысли могло быть и более разнообразным, а сдержанность или тем более угрюмость — далеко не всегда гарантируют добрые качества души.

Как бы там ни было, любимые герои Симонова ценят в людях способность к действию, умение без лишних слов сделать порученное им дело. Синцов думает о командире полка Ильине: «С таким человеком, как Ильин, личные отношения — результат деловых. Справишься с делом, растает и лед. А не справишься, словами не растопишь». Этой меркой автор прямо или косвенно меряет почти всех, кто воюет и действует в его романе. Член Военного совета армии Захаров размышляет о новом командире: «Хорошее в Бойко то, что живет он только делом и никто не может угодить ему ничем, кроме хорошо сделанного дела...»

Я хочу найти причину появления таких однотипных характеристик. И, мне кажется, нахожу ее. Общие, непреложные условия, в ко-

торые ставит человеческие массы война, неминуемо выработывают и какие-то схожие черты. Это сама война то шлифует, то пересоздает характеры, отделяет их, требует сменить одно другим, хочешь того ты или нет. Но ведь и эти жесткие условия жизни не отменяют, естественно, великого разнообразия душевного склада людей. И если скупость на краски — это некий самозащитный барьер, то он и мстит иногда автору.

Когда-то в примечании к роману «Крестьяне» Бальзак заметил: «Описывать сражения следует не так, как это делается в сухих реляциях военных историков, которые вот уже три тысячи лет твердят нам только о левом и правом фланге или прорванном центре, но молчат о солдате, его геройстве и страданиях». Советская литература уже в дни своего рождения нарушила это молчание «Разгромом», «Железным потоком»... В трилогии Симонова мы видим сложные взаимосвязи боевой жизни войск, кропотливой работы штабов, живой деятельности политорганов, напряженных будней тыла — всего, из чего складывается военная организация социализма, видим не просто батальные сцены, а народ на войне, его геройство, выпавшие на его долю испытания.

Мы видим, как заправляется огромная машина армии всем, что ей предстоит за недолгий срок перед операцией переварить в себе. Мы видим, как возникают десятки различных приказаний, влекущих за собой разнообразные действия и переживания людей. С неподдельным уважением пишет Симонов характеры комиссаров — политических вожakov, посланцев партии в войсках — умницы-сердцеведа Захарова, вернейшего из верных Малинина, других. Особенно удался автору Федор Левашов, перешедший из трилогии в отдельную повесть и ее заглавие. Автор многое знает о войне, любит армию и ее людей. Любовь эта прочная и давняя, по-моему, еще с Халхин-Гола, где он получил боевое крещение, а может быть, и еще раньше, с Рязани, где жил он мальчишкой в расположении пехотного училища, в семье краскома. Но знаний и опыта, вынесенных непосредственно из военных лет, ему не хватало для трилогии. Автор — враг призрачности. Перечитывая все три романа, я легко представил себе, какой огромный труд пошел на создание этой эпопеи Отечественной войны.

Идет военное время, а вместе с ним движется и трилогия. Сколько всего произошло с тех пор, как мы открыли ее первую страницу! И вот уже Таня, маленькая докторша, едет дорогами разгрома гитлеровцев под Сталинградом: «Все, что она видела, сегодня делится на «наше» и «ихнее». «Наше» было живое, «ихнее» — мертвое. Мертвая проволока, мертвые окопы, мертвые люди в снегу, мертвые брошенные орудия и машины». Опасный враг, жестокая война, законно наше торжество... Проходит год, и Серпилин полон этим чувством. Вспомним, как он, оставив Таню и Синцова на краю дороги, стоит у берега реки, закинув руки за спину, и размышляет о ходе операции, понимая, что он просто счастлив, так славно идут военные дела.

Серпилин погиб, не завершив операции, а самое последнее, чему обрадовался, — известно о Минске: бой на окраинах. Автор дал ему легкую смерть — внезапную, а потому, в сущности, прекрасную, такую, когда человек не успевает ужаснуться мысли о собственном конце. И в этом, намеренно или нет, не знаю, но очень явственно обозначено время войны, совсем не то, в какое так трагически умирал генерал Козырев. Мгновенно растаял

с жизнью Серпилин, но посмотрите, как медленно и даже величаво уходит он, да и уйдет ли из жизни остающийся жить. Какое большое место он занял в судьбе окружающих его людей! Ритм романа в этой главе замедляется словно бы в шаг траурной процессии. Чутко услышаны все отголоски ухода Серпилина, и этим очень точно угадана наша нравственная необходимость проститься с ним неспешно, в глубоком раздумье.

В последней части трилогии большое место занимают два персонажа — Ильин и Бойко. Помните, как Ильин говорит Синцову: «Всего немного не поспел ты к красивому бою». Говорит так, зная, что Синцов поймет, какой смысл вкладывает он, Ильин, в этот эпитет. Красивый — значит достигнута высшая цель всякого боя — разгром противника. Красивый — значит наших потерь гораздо меньше, чем у противника. Красивый — значит исполнено, как задумано, и вовремя приняты решения, каких потребовала менявшаяся обстановка. «Красивый бой» — надо же сказать так... Ах, Ильин, «военная косточка»! Теперь можно утверждать, что без Ильина, младшего лейтенанта, сначала начальника штаба батальона, а потом, уже ко времени белорусской операции, командира полка, сменившего Туманова, без Бойко, младновоеводного и методичного Бойко, назначенного на пост командарма, не было бы трилогии в том ее замысле, какой окончательно ясен только сейчас. Скажем о них обоих мыслями того, чьей оценкой они так дорожили: «Вот они, молодые командиры полков, подумал Серпилин, с удовольствием глядя на Ильина, который еще летом сорок второго года казался ему прирожденным военным... Хорошо бы довоевал и ничем не зацепило. Много обещавший». Ильин и Синцов стоят в нашем сознании на разных этапах единой Отечественной войны. Синцов и его злоключения — сорок первый год. Ильин и его уверенность победителя — год сорок четвертый.

Теперь о Бойко. Вспоминаю о его возрасте, Серпилин думает «в эту минуту не о себе и о нем, а о чем-то намного более важном, имевшем отношение не к старости и молодости, не к тебе и к нему, а к войне, к армии, ко времени, в которое живем и еще будем жить». Тонкое наблюдение! Именно в нем, в этом размышлении, Серпилин достигает вершин своей духовной зрелости. Ему раньше приходилось задумываться над своим возрастом, случалось сопоставлять свои годы с молодостью способных командиров. «Бывало, — пишет автор, — думал он об этом с завистью, а сейчас с другим чувством — с облегчением, что ли, что вот есть в свои тридцать пять лет такие, как Бойко». Далеко глядит Серпилин. Он истинный сын времени и воспитанник истории. Он человек действительно, сущий.

Бойко и Ильин не погибли, они дошли до Берлина. И хотя этот их путь остается за чертой трилогии, у нас нет сомнений — так было. Они живы и сейчас. В этих персонажах смогут узнать свою молодость многие военачальники наших дней. И такая уверенность есть результат того, что, хотя роман как будто хронологически не дописан, на самом деле он доведен до логического конца. После смерти Серпилина и всего, что с ней связано в романе, могло идти уже только коллективное нарастание. Реальный же мир его действующих лиц, их связей, разлив событий вошел в берега. А Ильин и Бойко, именно они, как бы от имени всех людей трилогии пошли дальше. Пошли исполнять свой долг под родным знаменем, воевать по-военному. Так и написал свою трилогию Константин Симонов: по-военному.

Александр КРИВИЦКИЙ.

1941
«Разгром», 1941